

СВИДАНИЕ

А недавно в Санкт-Петербурге "Пушкинский фонд" выпустил эпистолярный роман Лидии Григорьевой "Не бедные люди". Радует персификационная свобода поэтессы. Письма в стихах людей, имеющих свой нрав и вкус к жизни, изящны, полны отменной остроты и самоиронии. "Теперь мой путь определен и тяжок — в контексте косметических подтяжек", — таково признание одной из героинь.

Давние друзья "МК" — Лидия Григорьева и ее муж поэт Равиль Бухараев — не забывают, что, когда они были молоды, "Московский комсомолец" часто печатал их стихи.

— Лида, расскажите, где вы встретились с Равилем.

— В Казанском университете на вечерне Пастернака. Равиль закончил мехмат, и у нас вовсю разбушевался роман. Затем Равиль был принят в аспирантуру МГУ.

— А как провинциалка Лида Григорьева в Москве очутилась и прижилась?

— Ну, тут особая история. О ней я еще никому не говорила.

— Догадываюсь — бракосочеталась? И не боюсь фактивно...

— (Звонко хохочет.) Я — как все, как все, как все! Ну что тут такого? Я должна была попасть в Москву... И меня пожалел очень интеллигентный сердобольный человек.

— Чем расплачивались?

— Деньгами, разумеется. И не сразу, а в течение ряда лет, потому что этих денег мне как раз недоставало. Если бы меня в ту пору разоблачили, непременно прогнали бы из столицы. А вдруг все-таки выгонят? (Заливается.)

— Нынче вам не страшно — в запасе есть Лондон. А паспорта у вас британские?

— Мы сохранили русские. И московскую прописку имеем.

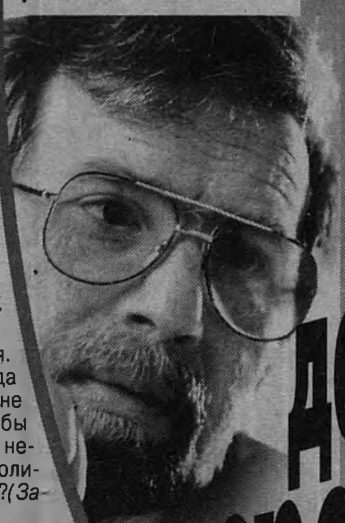
— Поэт из провинции особенно нуждается в понимании. Кто проявил к вам сердечное участие?

— Лет с семнадцати я избрала себе тайного учителя — Юрия Левитанского, царство ему небесное. В 18 лет я приехала в Москву из Нальчика, где училась в университете. По книгам мне очень нравился Левитанский, а на его поэтическом вечере я вдруг обнаружила полное совпадение наших мироощущений. Я притащила ему тетрадки со своими стихами, и он благословил меня своим напутствием: "Лида, вы можете продолжать это странное занятие". Несколькими годами позже к нему со своими новыми стихами. Поэт делал какие-то пометки, но при этом повторял: "Вы, конечно, никого не слушайте. Пишите стихи и помните: вы личность. Только самовыражаясь, можно сохранить себя". Юрий Давидович для меня оказался гениальным учителем.

— Вы уехали в Англию, желая обрести безопасность?

— Нет. Все сложнее. Равиль в Англию поехал работать... За мной же — еще с Казани — тащился след КГБ. Жила я в коммуналке. Не могла найти работу, мне не на кого было опереться. Стихи мои не печатали, переводы меня не кормили, и я впала в дикий нищету. Это теперь, когда у меня все хорошо, я могу заняться самокопанием и наклепать депрессию. А тогда я, как лягушка, должна была бить сама себя в грудь, чтобы выбраться из узкого горла горшка, куда меня загнала жизнь. Наташа как на духу, я впервые вам сейчас рассказала о своем криминальном,

В экзотичном лондонском доме живут россияне — поэты Лидия Григорьева и Равиль Бухараев. Они авторы множества книг, счастливы в браке. Из Лондона в Москву русская поэтесса Лидия Григорьева привезла свою фотовыставку необыкновенной красоты. Она называется "Мания Моне". Подобно великому импрессионисту Клоду Моне, она ловит мгновения, когда розы в ее молодом саду распускаются и меняют тона и краски: от завязи — к пышному цветению и увяданию. На открытии этой выставки на Петровке, 26, в галерее "Улица О.Г.И.", собралось двести человек: друзья, поэты, писатели, художники и читатели "МК". На вернисаже всех гостей угощали водкой, настоящей на розовых лепестках...

В стеклянном доме среди

Она и он — поэты

фактивном браке. Признаюсь и в другом: ежедневно приезжала за мной черная "Волга" и везла на допрос по делу "О салоне Лидии Григорьевой". Мне показывали доносы на меня. И самое ужасное — их писали почти все собиравшиеся у меня по вечерам. А я их всех считала друзьями. Им я читала стихи Мандельштама и запрещенные рукописи, которые привозила из Ленинграда.

И однажды один умный человек мне посоветовал: "Уезжай-ка в Москву. Там такие диссидентские акулы плавают, что КГБ будет не до тебя". Он оказался прав.

— Равиль, а у вас тоже были брачные приключения?

— Брак с Лидой — мой первый. С самого начала я знал, что он останется единственным.

— Равиль, вам нелегко с ней, строптивой, справляться?

— Вначале было ой как тернисто! Но Лидя — очень цельный человек. Я, вправду думать, — тоже цельный человек. У нас бывали не то что споры — скандалы случались, как и во многих семьях. Но при всем том ведь спорили на какие-то серьезные темы. Мы ничего не делили — схватывались вокруг проблем, как жить. И в этом смысле вначале мы были невероятно честнолюбивы. Мы рады, что это наконец кончилось. Годом к тридцати мы опомнились...

— Равиль, почему вы поехали в Лондон?

— По делу. Хотел написать книгу о татарской эмиграции.

— Ислам бывает разным. Какой из его вариантов вам стал ближе?

— Просвещенный, ислам с улыбкой на лице.

— Когда вы уезжали в Англию, вы разве были верующим?

— Как все люди в советской России, я был агностиком. Теперь я знаю, что есть высший дух.

— В вашей семье есть какие-то противоречия на религиозной почве?

— Нет. По фазам бодрствования мы с Лидой не совпадаем. Она работает ночью, а я с раннего утра. Первая мусульманская молитва — еще до рассвета.

— Лида, вашу книгу стихов "Воспитание сада" я вначале поняла как чисто метафорический прием — воспитание сада своей души. А кто у вас садовником родился?

— Садовником родился я, — отвечает за Лиду Равиль. — Но трудится, выращивает, украшает сад Лида — от первого цветка до дизайнера. Все она. Правда, я посадил персидскую сирень. И еще выкопал у Телецкого озера на Алтае, привез тайно и посадил корень валерианы.

— Какими судьбами вам достался дом?

— Мы купили его в кредит. Трудом Равиля он окупается. Наш дом — на четырех уровнях, в подвале — гараж и подсобные помещения, а весь его корпус стеклянный. Он стоит на горе и словно подвешен в воздухе. Гостиная со стеклянной стеной смотрит в лес. На третьем уровне кабинеты. А на самом верху — спальни. Из этой высокой мансарды виден весь Лондон.

— Равиль, а где вы зарабатываете деньги?

— У меня постоянный контракт на Би-би-си.

— Лида, кто-нибудь из русских писателей воспользовался вашим с Равилем гостеприимством?

— У нас с Равилем бывали Андрей Битов, Александр Ткаченко, Тимур Зульфикаров. Недавно Евгений Рейн сидел на нашем диване. Получается, будто там филиал ПЕН-клуба. Недавно побывал у нас Юрий Поляков. Мы и свое московское гнездо не разорили. И картины, и книги — все здесь, в Москве. Наш сын Василий живет в Москве. Ему 29 лет. У него уже своя семья.

— Лида, как вы с Равилем примиряете ваши аппетиты?

— Вернемся к любви. Страсть и любовь бытом нельзя погасить. Быта нужно иметь как можно больше. Надо уважать и ценить привычки и вкусы каждого. Вот, например, Равиль не ест свинины. Сначала я не жарила свинину в его присутствии, чтобы не раздражать свиним запахом. А теперь я сама вполне могу обходиться без нее. Но и Равиль кое в чем себя ограничил. Он как мусульманин теперь не пьет, а я люблю хорошие вина. И для гостей в нашем подвале есть винные запасы.

Равиль: — Дело не в вине. Нам с Лидой до сих пор интересно друг с другом. Мы себя еще не исчерпали.

Лида: — Не знаю, как только все это вытерпел Равиль, но вокруг меня всегда было полно мужчин, моих друзей. Дружба — тоже род любви. Я помню о них всегда, радуюсь их успехам, огорчаюсь, если кто-то из них развелся с женой... Равиль на расстоянии чувствует, чем я дышу. Он даже из джунглей мне звонил в тот момент, когда за мной кто-то сильно приударял. И ставил таким образом точку.

Равиль: — Я не люблю говорить про любовь. Но знаю: без Лиды я не могу.

Наталья ДАРДЫКИНА.